

Доступно и бедным. 9. Достижения в развитии искусства.

По заключительным фразам тома Ж. Леклан справедливо возражает против утверждения Вулли, что после II тыс. Египет уже не внес ничего нового в дело прогресса. Здесь сказалась, конечно, общая тенденция автора приуменьшить роль Египта во всех отношениях.

В целом можно с большим удовлетворением отметить, что в труде Вулли ярко отразилось влияние советской марксистской историографии древнего Востока, рост ее авторитета и признание убедительности многих ее выводов непредвзятыми исследователями Запада, чему в данном случае в сильнейшей степени способствовало критическое участие советских ученых в работе над томом. Если Вулли и не согласился до конца с большинством принципиальных замечаний, то во всяком случае они нашли отражение в постановке проблем, многие из которых вообще раньше в буржуазной историографии совершенно игнорировались. К слову сказать, такое влияние советской историографии заметно даже в работах наиболее реакционных ученых, вроде египтолога В. Хелька, которые, не называя советских работ, тем не менее ставят проблемы, подсказанные советской историографией, и либо приходят к тем же, по существу, выводам, которые подсказывают им источники, либо ведут скрытую полемику с марксистской историографией. Однако наряду с указанными достоинствами работы, нельзя не отметить и того, что задачу, поставленную в предисловии ко всему изданию, автор второй части I тома не смог вполне удовлетворительно выполнить — эта задача, вообще чрезвычайно трудная для одного человека, оказалась непосильной для покойного археолога, здесь нужен был бы ученый, обладающий большими навыками анализа письменных памятников. Кроме того, автору текста в такого рода издании следовало бы больше считаться с современным со-

стоянием изучения источников, особенно в тех областях, где он не является специалистом, и во всяком случае формулировать свои гипотетические выводы менее категорично. Между тем Л. Вулли встречал в штюки почти любое замечание своих консультантов (тем более удивительно, что принял замечание В. В. Струве о рабовладении в Новом царстве Египта) даже в тех вопросах, в которых он не являлся специалистом. В результате получилось, что, например, рисуемая им картина истории Египта совершенно не отвечает ни данным источников, ни современному уровню их изучения, на что во многих случаях автору тщетно указывал и Ж. Леклан. С тем, что Египет был настолько отсталым по сравнению с Месопотамией, ни один серьезный египтолог в настоящее время согласиться не может.

Картина, рисуемая Вулли, основана, во-первых, на его тенденции выводить чуть ли не все достижения древнего Востока из Месопотамии, во-вторых, на его незнакомстве с письменными египетскими источниками и, в-третьих, на его явно очень слабом знакомстве с современной литературой предмета. Особенно поразительна такая, например, ошибка Вулли, как отнесение рельефа из построек дороги, соединяющей нижний и верхний храмы пирамидного комплекса Унаса, к самой пирамиде, в которой, как известно, никаких рельефов нет (а в подписи под рисунком еще даже сказано «из гробницы Унаса»). Это особенно грубая ошибка для археолога. Подобных примеров можно было бы найти немало, но если учитывать и такие досадные мелочи, пришлось бы еще значительно увеличить объем рецензии. По этой же причине невозможно было осветить все те положения Вулли, которые могут вызвать возражения принципиального или фактического порядка, и пришлось ограничиться лишь далеко не полным обзором его труда.

И. М. Постовская

W. CULICAN, *The Medes and Persians*, L., 1965, 260 стр.

Книга «Мидийцы и персы», опубликованная в известной серии «Ancient Peoples and Places» преподавателем семитологии в Мельбурнском университете (Австралия) Уильямом Каликаном, содержит ценный материал по древней иранской культуре и читается с неослабевающим интересом. Автор рассматривает луристанскую бронзу, искусство маннеев и скифов, а также памятники ахеменидского искусства и стремится выявить специфические качества иранской цивилизации.

Книга прекрасно оформлена и к ней приложены 128 превосходно изданных фотографий и прорисовок памятников материальной культуры, а также карты, хронологическая таблица первой половины I тыс. до н. э., генеалогическая таблица династии Ахеменидов и перечень работ по истории и культуре древнего Ирана.

Остановимся кратко на основных выводах книги.

Памятники луристанского искусства,

для которого характерна особая техника работы на металле, главным образом, на бронзе, поразительно отличаются по качеству от памятников других народов древнего Ближнего Востока. Самые ранние памятники этого искусства, которые относятся к III тыс. до н. э., по-видимому, были созданы гуттиями и дуллубеями. Памятники луристанской бронзы сыграли чрезвычайно большую роль в возникновении иранской традиции, и для мидийского и ахеменидского искусства, подобно луристанскому, характерен особый стиль изображения животных (стр. 29 сл.).

Ни одно великое произведение не может целиком восходить к своим истокам, и, хотя ахеменидское искусство являлось продолжением ассирийского, оригинальное воображение и новый замысел пронизывают искусство рельефов Персеполя и Суз, так как употребление колонны и аплады дали ахеменидской архитектуре возможность нового подхода к созданию памятников искусства. Живой битве и охотничьим сценам ассирийского искусства Ахемениды предпочитали статическое и процессуальное, символическое и геральдическое изображение конфликта противоположных сил дуализма, добра против зла, света против тьмы, порядка против хаоса. Для ахеменидского искусства характерно виртуозное изображение изолированно-го предмета (металлических чаш и ваз, амфор, ритонов, предметов ювелирного искусства, высеченных из камня кубков, стеклянных вещей, ляпис-лазуревой скульптуры и т. д.)

«Интернационализм» Ахеменидской державы отразился не только в законах и хрониках, в использовании арамейского языка как международного административного языка, но также в единстве стиля произведений искусства во всем государстве. Предметы ахеменидского искусства происходят, кроме территории самого Ирана, из Греции, Двуречья, Палестины, Сирии, Египта, Турции, Кавказа, Алтая, Сибири и Пакистана. Дворцы ахеменидского стиля найдены в Сидоне (Финикия) и в Саргате в Азербайджанской ССР. На территории древней Даскилен в Северо-Западной Анатолии сохранились ахеменидский рельеф и фриз смешанного греко-персидского стиля, изображающий женщину верхом на лошади. Важное свидетельство о производстве ахеменидских предметов в Египте содержится в стеновой росписи гробницы Петосприса, египетского чиновника времени Атраксеркса III.

В Персеполе, Мемфисе и в городах Вавилонии работали ремесленники из разных стран, и вывоз предметов ахеменидского искусства оказал глубокое влияние на скифское искусство, а также на ремесло во многих областях государства.

В начале V в. до н. э. существовал мидо-скифский стиль, к периферии которого относятся предметы ювелирного искусства из скифских курганов европейской территории юга СССР, представляющие северную ветвь мидийского искусства с синтезом урартских, каспийских и скифских мотивов.

Персидский быт в Малой Азии (наиболее важной, по мнению автора книги, сатрапии) подвергался всепоглощающему влиянию греков, лидийцев и фригийцев. Недавно раскопанное в Даскилее здание, которое, по всей вероятности, было резиденцией сатрапа Геллеспонтской Фригии, несмотря на большое количество найденных в нем ахеменидских глиняных булл, выстроено, как и соответствующее здание в Сардах, в чисто понийском стиле.

«Эллинизм» вторгся не только в Малую Азию, где сатрапы все более и более принимали греческую одежду и образ жизни, а греческий язык наряду с местными лидийским и ликийским стал общепринятым, но Египет, Кипр и Финикия в первой половине IV в. до н. э. также заметно погрузились в сферу греческой мысли (стр. 122 сл.).

По сравнению с предшествующими им египетскими, ассирийскими и вавилонскими царями Ахемениды, считает автор, достигли замечательных успехов в организации государственного управления, которое было ответственным и справедливым, хотя и суровым. Покоренные страны управлялись, а не эксплуатировались, поэтому многие народы добровольно подчинились персам. Хорошие морские пути и сухопутные дороги, количество которых увеличилось при Ахеменидах, и расширенное использование монет облегчали торговые связи между разными частями государства и способствовали экономическому процветанию. Большое значение имела и стандартизация Дарием I стоимости драгоценных металлов в зависимости от степени их чистоты. Хотя использование персидских золотых дариков не было широко распространено и немногие из чеканок империи выпускались по стандарту персидского сикля, царская мера веса была везде признана.

Изданный Дарием I кодекс законов не был совершенно новым, но кодификацией вавилонских казуальных статей и правовых решений, относящихся к системе иранских законов (стр. 168 сл.).

Терпимость к чужим религиям автор считает одной из наиболее ярких черт царя persica. По-видимому, ахеменидские цари выполняли по отношению к западным пращам ту же функцию, что и Заратустра на востоке страны, но на разных социальных уровнях и без конфликта. По всей вероятности, ахеменидская религия и зороастризм характеризуются параллельным развитием от общего истока.

ника и при этом в первой отсутствует строгий монотеизм зороастрийского маздеизма, так же как и его чистота в литургической практике. Необходимо также отличать культ бога Мазды на мидийской территории в VIII в. до н. э. от специфически этнического и универсального маздеизма, который проповедовал Заратуштра. В то время как религии мидийских магов присущи кровавые жертвоприношения, огнепоклонство, ритуал хаома и астрология, в Восточном Иране маздеизм был очищен Заратуштрой и дополнен демократическими идеями простого ковеннического образа жизни. От зороастрийской религии иудейско-христианский мир заимствовал много «ключевых» концепций, а универсализм и «идеализм» Ахеменидской державы, рожденные зороастризмом, с точки зрения конечных результатов, может быть, сыграли в развитии цивилизации гораздо большую роль, чем честолюбивые стремления Афин времен Перикла (стр. 170 сл.).

Оригинальная трактовка древней иранской культуры и ее связей с культурой других народов, которую дает У. Каликан, заслуживает пристального внимания, однако объем настоящей рецензии принуждает ограничиться только несколькими замечаниями.

Прежде всего хотелось бы отметить, что в процессах этнического смешения и религиозного синкретизма, которые происходили в Ахеменидской державе, заметно не только греческое или иранское влияние, но также влияние традиций покоренных народов, в частности и на самих персов. Например, персидский чиновник в Египте Ариярата принял египетское имя Тахос и поклонился Мину, Гору, Исиде и другим египетским богам¹. Перс Багапат, живший в Египте, дал своему сыну египетское имя Пахи². Большого внимания заслуживают данные документов из Вавилонии и Египта, которые свидетельствуют, что в обеих этих сатрапиях Ахеменидской державы представители различных народов часто жили бок о бок, заключали смешанные браки, вступали в деловые сделки, а иногда даже переходили из одной религии в другую и меняли свои имена. Такие контакты способствовали синтезу научных знаний, приемов искусства и религиозных представлений различных народов и постепенному возникновению по существу новой материальной и духовной культуры, которая позднее создала благоприятные условия и для победы эллинизма, представлявшего

отчасти результат синтеза греческой культуры с культурой народов Востока.

Автор рецензируемой книги, как нам кажется, прав, отмечая успехи в организации государственного управления в Ахеменидской державе. Например, народам, которые были насильственно поселены в Двуречье, Кир разрешил вернуться в свои страны и помог им в восстановлении их храмов. Такая политика по отношению к покоренным народам и их религиям сильно отличалась от политики ассирийских и вавилонских царей и очень облегчила Киру захват стран, расположенных к западу от Месопотамии. В завоеванных странах Кир стремился создать нормальные условия для экономического процветания, для развития транзитной торговли и сохранения традиционных методов управления.

Однако, по-видимому, уже при Кире покоренные народы были обложены тяжелыми поборами, размер которых был установлен без учета экономических возможностей. Кроме того, высшие должности не только в самой Персии, но и в завоеванных странах были сосредоточены в руках представителей персидской знати. Поэтому уже при Кире и его преемнике Камбисе государственное управление не было прочным, о чем свидетельствуют почти повсеместные восстания против персидского господства в 522—521 гг. до н. э. Суровая расправа с восставшими, десятки тысяч которых были убиты, вряд ли может свидетельствовать о «справедливости» ахеменидского управления.

В V в. Египет, Вавилония, Мидия, области Малой Азии и другие страны много раз восставали против Ахеменидов. Подавление этих восстаний сопровождалось обращением в рабство населения многих областей и городов, а иногда даже насильственным выселением целых племен. Непрерывные восстания различных сатрапий государства были обусловлены тем, что господство персов обрекало подвластное население на разорение.

Поэтому трудно также согласиться с утверждением автора рецензируемой книги, что Ахемениды не эксплуатировали покоренные страны. Государственные подати, которые взимались преимущественно серебром, приводили, во-первых, к разорению большого количества подданных и, во-вторых, затрудняли развитие торговли, так как драгоценные металлы, собранные в виде податей, попадали в царские сокровищницы Персеполя и других городов и только ничтожная часть их поступала обратно в виде жалования войнам, и поэтому часто ощущался недостаток денег.

Хотя, как это правильно отмечает У. Каликан, Ахемениды в высшей степени терпимо относились к религиям

¹ G. Rosener, *La Première Domination Perse en Égypte*, Caire, 1936, стр. 178 и №№ 31, 33—34.

² M. N. Aimé-Giron, *Textes Agaméens d'Égypte*, Le Caire, 1931, стр. 105.

других народов, разрушение и грабеж храмов в странах, оказавших сопротивление завоевателям, было самой обычной практикой персидских царей.

Мнение автора рецензируемой книги о параллельном развитии ахеменидской религии и зороастризма и их взаимоотношения друг с другом и с религией магов представляет большой интерес. Однако существующие источники пока не дают ясного ответа на эти вопросы.

Вызывают возражения и некоторые другие менее значительные положения рецензируемой книги. По мнению У. Каликана, Авеста является основной частью древней персидской литературы, сохраненной переселившимися в Индию персами (стр. 170). Но Авеста написана на особом, авестийском языке и не имеет прямого отношения к персидской литературе³. Арамейский вариант Бехистунской надписи, к сожалению, сохранился в сильно фрагментированном виде, а не полностью, как утверждает автор (стр. 160). Клинописные документы из сирийской области Нейраб датируются не только временем Набонида и Камбиса (стр. 147), но также Навуходоносора II, Нергал-шар-уцура и Дария I⁴.

В так называемой надписи Арпарамны Кир I, вопреки утверждению У. Каликана, вовсе не упоминается, а Чишиш назван просто царем, а не «великим царем, царем Аншана» (стр. 49—50).

Насколько нам известно, источники не дают оснований полагать, что Гобрий был мидийским наместником Суз (стр. 54). По-видимому, автор имеет в виду сообщение «Хроник Набонида» (III, 15) о том, что некий Угбару был наместником страны Гутгум. Но здесь речь идет о наместнике Мидии, а не Суз⁵.

Нет также оснований полагать, что в Иране в период царствования Ксеркса I зороастрийский календарь был принят официально (стр. 174), так как в эламских клинописных текстах из Персеполя, самые поздние из которых датируются 460 г. до н. э., засвидетельствован только древнеперсидский, а не авестийский календарь. Последний был введен в Иране, по-видимому, около 441 г. до н. э., т. е. при Артаксерксе I⁶.

³ Ср. также стр. 12, где автор утверждает, что Гротенфенд расшифровал клинопись с помощью сохранившегося в Авесте древнеперсидского языка.

⁴ P. Dhorme, *Les Tablettes Babylonniennes de Neirab*, RAss, 25, 1928, стр. 53—82.

⁵ Ср. И. М. Дьяконов, *История Мидии*, М.—Л., 1956, стр. 417—418 и 422.

⁶ H. S. Taqizadeh, *Old Iranian Calendars*, L., 1938, стр. 12.

У. Каликан склонен полагать, что так называемые «таблички сокровищницы» из Персеполя, составленные между 492 и 460 гг. до н. э., дают представление о методах подсчета платы для работников царского хозяйства в период введения чеканных монет. Однако это мнение, высказанное издателем «табличек сокровищницы» Дж. Кэмероном, подверглось критике и позднее Дж. Кэмерон отказался от него⁷. Вслед за Дж. Кэмероном автор рецензируемой книги полагает, что эламские документы сокровищницы в Персеполе, написанные на глине, были копиями аналогичных арамейских документов на коже (стр. 102—103). Но более обоснованным представляется мнение Ф. Альтгейма и Р. Штиль, которые считают, что арамейские и эламские документы рассматривались составителями как дубликаты. Свои распоряжения чиновники давали устно, на персидском языке, а лишь затем их переводили одновременно на эламский и арамейский языки, так как эламский был административным языком Персиды, а арамейский — государственным языком Ахеменидской державы⁸.

По мнению У. Каликана, восстание вавилонян под руководством Бел-шимани против персидского господства произошло в 482 г. до н. э. (стр. 81). Однако, судя по документам, Бел-шимани восстал в 484 г.⁹

Выражение «manuscripts of slaves» (стр. 160), по-видимому, является опечаткой вместо «manumissions of slaves». Как известно, Камбис II стал царем в 530 г., а не в «329/30» г. (стр. 61). См. также более мелкие опечатки и погрешности на стр. 15, 17, 143, 171, 173, 185, 188 и 189.

Заканчивая рецензию, хочется отметить, что несмотря на ряд возражений, которые вызывает книга У. Каликана, она является прекрасным исследованием по культуре мидийцев и персов и ее с большой пользой и интересом прочтут историки древнего Востока.

М. А. Дандамаев

⁷ G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets Old and New*, JNES, XVII, 1958, стр. 161.

⁸ F. Altheim und R. Stiehl, *Die aramäische Sprache unter den Achämeniden*, Lief. I, Frankfurt am Main [1961], стр. 78—82.

⁹ F. H. Th. de Liagre Böhl, *Die babylonischen Prätendenten zur Zeit Xerxes*, BO, XIX, 1962, стр. 110—114.